

Когда начались занятия, стоило учительнице Шао войти в аудиторию, как я физически ощутил исходящую от нее тяжелую, удушливую волну скорби. Красные, опухшие глаза выдавали, что она совсем недавно плакала. Говорила она с заметной хрипотой, а руки, сжимавшие учебник, слегка дрожали.

В тот момент я искренне восхитился ее стойкостью: в таком состоянии прийти вести лекцию для оравы оболтусов, которым до учебы и дела не было. Вообще-то еще на прошлой неделе ребята заметили, что она пришла с заплаканными глазами, но тогда мы лишь тихонько перешептывались, решив, что учительница просто рассталась с парнем.

Сейчас мне чертовски стыдно за то, как тщательно я наглаживал и подбирал одежду с утра. Всю лекцию я слушал затаив дыхание. Не то чтобы прежде я совсем плевал на учебу, но обычно всё же умудрялся перекидываться парой слов с парнями, обсуждая, кто из девчонок в группе сегодня выглядит эффектнее.

Где-то на середине пары голос учительницы Шао совсем сел. С трудом сдерживаясь, она поручила нам самостоятельно повторять пройденное и разбирать новую тему. Из своего ряда я отлично видел, как она то и дело бросает короткие, полные надежды взгляды на экран телефона, будто ждала какого-то спасительного звонка.

Когда пара закончилась, я в нерешительности застыл у парты, не зная, стоит ли подойти и сказать хоть пару слов утешения.

В итоге я просто поплелся следом, выжидая подходящий момент. Учительница Шао, словно не замечая ничего вокруг, дошла до тихого сквера за учебным корпусом и углубилась в небольшую, уединенную рощицу.

Я крался позади, чувствуя себя форменным маньяком-сталкером. Несколько знакомых ребят проводили меня такими дикими взглядами, что мне захотелось сквозь землю провалиться. Объясняться в такой ситуации было себе дороже.

Не вопить же им на весь двор, что я переживаю за учительницу Шао, у которой пропал ребенок, и боюсь, как бы она не наложила на себя руки с тоски.

Едва зайдя под сень деревьев, учительница Шао разрыдалась. Ее тихий, надрывный плач буквально резал по живому. Я застыл у края рощи, терзаясь сомнениями.

В конце концов, не на шутку разволновавшись, я призвал Ху Линлин и отправил ее на разведку — присмотреть за женщиной и тут же доложить, если та задумает сделать глупость.

Увидев мои метания, Хуэй Сяобао удивленно спросил:

— Дачуань, эта твоя учительница вроде бы замужем. Смотри не вздумай лезть в чужую семью,

это же страшный грех, всю карму себе испортишь.

Я закатил глаза. Где только этот мелкий набрался такой чуши и почему он обо мне такого мнения?

— Да она старше меня лет на восемь!

— И что с того? — не унимался тот. — Твой двоюродный брат из соседней деревни разве не женился на женщине, которая старше его на пять лет?

— Так у моего двоюродного дедушки в карманах ветер гулял, бесприданником он был, вот и взял ту, что поближе оказалась!

— А, ну да.

Я искренне не понимал, что случилось с Хуэй Сяобао. Когда мы только познакомились, он казался таким надежным старшим братом, а сейчас придушить его хочется всё чаще.

— У учительницы Шао ребенок пропал, — вздохнул я. — Переживаю, как бы она с собой чего не сделала с горя, вот и присматриваю.

Хуэй Сяобао тут же смущенно почесал затылок и глуповато улыбнулся.

Глядя на него, я вдруг вспомнил, что наши духовные покровители — признанные мастера по сбору слухов и поиску информации.

— Погоди, а вы можете найти ребенка? Ну, разузнать хоть что-то, зацепку какую-нибудь найти, чтобы понять, где она?

Сяобао сначала уставился на меня круглыми глазами, а потом буквально подпрыгнул на месте:

— Конечно можем, еще как можем! Дачуань, неужели нам снова перепадет доброе дело для накопления заслуг?

После той истории с призраком женщины Хуэй Сяобао, хоть и получил крохи духовных заслуг, до сих пор пребывал в восторге. Для духов это ощущение приятнее любых чудодейственных пилюль.

Я глубоко вздохнул, собираясь с духом, и, воровато оглядываясь, скользнул под деревья.

Вы только ничего такого не подумайте. Просто по вечерам эта рощица превращалась в

излюбленное место для свиданий местных влюбленных парочек. Для меня же, одинокого холостяка без намека на личную жизнь, это место было сродни пытке, вызывая чисто инстинктивное отторжение.

Я подошел ближе и протянул плачущей учительнице бумажную салфетку.

Она подняла голову и, узнав меня, тихо поблагодарила:

— Ты ведь Чжоу Дачуань из группы масляной живописи, набора двухтысячного года? Извини, что тебе пришлось увидеть меня в таком виде. Просто дома... случились неприятности.

— Я видел объявление о пропаже, — смущенно почесал я затылок.

Учительница Шао на миг застыла.

— Да, я знаю, что от этих бумажек мало толку. Но стоит мне подумать о моей Вэйвэй, и я готова на всё. Я даже в храм ходила, пожертвовала кучу денег... Лишь бы боги защитили ее. Пусть даже я никогда ее больше не найду, пусть она вырастет и забудет, что я ее мать — неважно, лишь бы с ней всё было хорошо.

— Учительница Шао, вы слышали когда-нибудь о северо-восточном шаманстве Чума? — после недолгого колебания спросил я.

Она уже обошла все храмы, так что мое предложение обратиться к моим духовным покровителям не должно было показаться ей совсем уж диким.

— О Чума? Да, слышала краем уха. Извини, я ведь не местная, только рассказы и знаю.

Это было ожидаемо: шаманы-практики Чума в основном промышляют на Северо-Востоке, в других краях их встретишь нечасто. Да и большая часть из тех, кто зовет себя шаманами — обычные шарлатаны. В лучшем случае у такого «мастера» на алтаре ютится дух покойного родственника в качестве Чистого ветра, способный хоть что-то разузнать, а в худшем — вообще никого нет, сплошной обман ради наживы.

— Раз уж вы и так ходили молиться богам, может, стоит попробовать обратиться к шаманскому алтарю?

Я быстро набросал на клочке бумаги свой адрес и телефон и протянул ей.

Учительница Шао посмотрела на меня глазами, полными слез, отчего мне стало ужасно неловко. Показалось, будто я нагло пользуюсь чужой бедой, хотя ничего плохого я точно не замышлял.

— Спасибо тебе, Дачуань, — серьезно произнесла она, бережно зажав бумажку в пальцах.

Я смущенно замахал руками:

— Да бросьте вы. Мне пора на пары, учительница Шао, я побежал. Да, если решите прийти, лучше выбирайте вечернее время, днем дома никого нет.

После этого я припустил со всех ног в мастерскую. Забежал запыхавшийся, словил порцию тяжелых вздохов и укоризненных взглядов от старого профессора и с виноватым видом взялся за кисть.

После занятий я решил не возвращаться в общежитие, а заглянуть на рынок за продуктами. Всю ближайшую неделю планировал пожить в своем доме — вдруг учительница Шао действительно придет? К тому же в этом семестре правила в общежитии смягчили, а мои соседи, Лаода и Лаоэр, всю обзавелись подружками, так что торчать там одному было тоскливо.

Я взял полкило говядины и пару луковиц, намереваясь приготовить сытное жаркое. Поддавшись на капризные уговоры Лю Чжэньюань, прихватил еще и несколько порций мороженого.

Честно говоря, терпеть не могу угощать бессмертных мороженым. И дело вовсе не в деньгах. Просто духи, забирая суть подношения, оставляют еду совершенно безвкусной. Обычные продукты после этого я хотя бы могу скормить бродячим собакам или кошкам, но отдать животным растаявшее безвкусное мороженое — это же чистое живодерство.

Доедать его самому — и вовсе изощренный мазохизм, я же не умалишенный.

Так что мороженое в итоге всегда отправлялось в мусорное ведро. Сплошной перевод продуктов.

Стоило мне подойти к калитке, как я остолбенел, не в силах сделать и шага.

Сами представьте картину: возвращаетесь вы домой, а у порога стоят плечом к плечу преподавательница вашей любимой дисциплины и грозная дама из деканата, которая ведает всеми вашими учебными грехами. И обе сверлят вас немигающими взглядами. Каково ощущение, а?

Лично мне безумно захотелось развернуться и дать стрекача. Клянусь, это зрелище было куда кошмарнее любого призрака.

Призрак по крайней мере не может лишить меня стипендии или отчислить за неуспеваемость.

— Учительница Шао... Сестра Цзоу? Какая приятная встреча, — выдавил я из себя, шагая вперед с таким чувством, будто иду на плаху. Неловкость просто зашкаливала.

— Чжоу Дачуань, так это твой дом? Кто-то из твоих близких практикует Чума? — заговорила Цзоу Сюэли.

В нашем университете она слыла неприступной «ледяной королевой». Она никогда не улыбалась, а от ее взгляда кровь стыла в жилах. Попасться ей на глаза было верной смертью для любого студента.

— Я... Я сам и практикую, — у меня внутри всё похолодело.

Вот уж никогда не понимал, как нежная и хрупкая учительница Шао умудряется дружить с этой ледяной глыбой. Они же абсолютно разные, о чем им вообще разговаривать?

— Ты? — Цзоу Сюэли смерила меня презрительным взглядом с головы до ног. — Приличный студент, будущий художник, а промышляешь шарлатанством?

Я почувствовал себя незаслуженно обиженным.

— Думаете, мне самому этого хотелось? Жизнь заставила, деваться было некуда! И вообще, среди нас тоже есть достойные люди, мы, между прочим, духовные заслуги копим, людям помогаем.

В конце концов, раз уж я стал шаманом-практиком, я мог сам в шутку назвать себя шарлатаном, но выслушивать это от посторонних было неприятно. Я никого не обманывал, законов не нарушал, с какой стати ко мне относиться как к отребью?

— Надеюсь, ты действительно не занимаешься обманом, — процедила Цзоу Сюэли и кивнула на замок. — Открывай давай, мы пришли за помощью.

«Ничего себе тональность! Вы вообще-то пришли просить меня о деле!» — мысленно взвыл я.

Но делать было нечего, пришлось смириться. Я открыл дверь, впустил обеих красавиц в дом и проводил их в комнату, где был устроен мой домашний алтарь. Мы уселись друг напротив друга.

Учительница Шао смотрела на меня с робкой надеждой.

— Сюэнин, положи купюру перед курильницей. Таковы правила, номинал неважен, — со знанием дела проинструктировала подругу Цзоу Сюэли.

Я покосился на грозную деканшу, но промолчал. Видимо, она действительно соображала в подобных делах.

Учительница Шао спохватилась и дрожащими руками полезла в сумочку. Достав бумажник, она вытащила новенькую сотню и аккуратно прижала ее к краю курильницы.

«Ого, богатые люди сразу с крупных козырей заходят», — подумал я.

— Хорошо, учительница Шао, что именно вы хотите узнать?

Женщина удивленно моргнула, не понимая, зачем я переспрашиваю то, о чем мы говорили в роще.

— Сюэнин, отвечай, — тихо подсказала ей Цзоу Сюэли. — Сейчас он спрашивает не от себя, а для духов-покровителей, что стоят за его плечами.

Учительница Шао торопливо закивала:

— Да, конечно... Я хочу узнать о своей дочери. Жива ли она? Где она сейчас находится и как мне ее вернуть?

Я зажег благовония, прикрыл глаза и мысленно обратился к духам.

Вскоре по телу пробежала легкая дрожь. Когда я вновь разомкнул веки, во мне уже присутствовал Шестой господин Ху — Ху Тяньшэ, исполняющий обязанности второго командира нашей Палаты Ху.

— Дима, — прозвучал в моем сознании его звучный голос. — Спроси у этой дамы с прической-пучком восемь иероглифов судьбы ее пропавшего дитя.

Я мысленно кивнул и обратился к гостье:

— Учительница Шао, мне нужно полное имя вашей дочери и точное время ее рождения. Записаны эти данные?

— Да-да, — быстро кивнула она. — Мою девочку зовут Сунь Нинвэй. Она родилась двенадцатого октября девяносто седьмого года, в одиннадцать часов десять минут утра.

— По григорианскому календарю?

— Да, по обычному, — смутилась она. — Я ведь раньше никогда не верила во все эти предсказания, так что традиционный китайский календарь Бацзы даже не сверяла.

Это было вполне понятно. Большинство современных людей не придают значения таким вещам, считая их пережитками прошлого.

Я быстро перевел дату рождения девочки по лунному календарю:

— Дин-Чжоу, Гэн-Сюй, Дин-Хай, Бин-У. Вот восемь иероглифов судьбы Вэйвэй. Запишите.

Я аккуратно вывел каллиграфические знаки на клочке красной бумаги, сложил его вдвое и протянул матери.

Учительница Шао бережно приняла его обеими руками, словно величайшую драгоценность на свете.

Ху Тяньшэ производил расчеты судьбы с поразительной скоростью. Уже спустя мгновение он продиктовал мне:

— Звезда Чиновника и Печать гармонируют в ее столпах судьбы, что дарует девочке выдающийся ум. Небесный ствол Дин сливается с Инь, неся в себе благословение Благородного Человека. Судьба сулит ей высокое положение и покровительство влиятельных людей. Женщина с сочетанием Дин-Хай в столпе дня обязательно встретит достойного и знатного мужа. Разум у нее пытливый, характер деятельный. В жизни ей придется много трудиться и полагаться на собственные силы. Рано упорхнет из родительского гнезда, детьми обзаведется поздно, но на радость себе. Она склонна к благодеяниям, и достаток ее будет стабильным. Жизнь сложится благополучно, в сытости и почете.

Я бережно пересказал слова Ху Тяньшэ бледной от волнения женщине:

— Иными словами, у вашей девочки прекрасная судьба. Однако ее связь с родительским домом тонка — она рано уйдет во взрослую жизнь и обоснуется далеко от вас.

Глаза учительницы Шао блеснули слезами облегчения, смешанного с тихим отчаянием.

— Значит... моя девочка жива? Она вырастет, выйдет замуж, не будет голодать и мерзнуть? Всё ведь так?

Я медленно кивнул. Хоть формулировка звучала горько, но суть предсказания она уловила верно.

Но тут в моем сознании вновь раздался озадаченный голос Ху Тяньшэ:

— Погоди-ка, Дима. Здесь что-то не сходится. Если верить ее столпам судьбы, в ранние годы ее жизнь должна протекать безмятежно. Да, во взрослом возрасте она покинет дом, но сейчас, в детстве, у нее на роду не написано никаких смертельных опасностей или тяжелых потрясений. Настоящей беды с ней случиться не должно.

У меня внутри всё так и екнуло.

«В каком смысле? Шестой господин, вы только не пугайте меня раньше времени!»

Ху Тяньшэ принялся вновь перебирать пальцами, что-то сосредоточенно подсчитывая, после чего покачал головой:

— Нет, исключено. По всем законам судьбы этот ребенок сейчас должен быть в полной безопасности. Расспроси-ка эту женщину, принесла ли она какие-нибудь личные вещи девочки. Пусть духи из Палаты Хуан и наши Чистые ветры возьмут след и проведут собственное расследование.

Я тут же повернулся к Шао Сюэнин:

— Учительница Шао, вы случайно не принесли с собой что-то из вещей Вэйвэй? Какую-нибудь любимую игрушку, заколку или одежду, которую она часто носила? Мне это очень нужно.

Она пришла подготовленной. Из сумочки немедленно появились аккуратно сложенные детские кофточки, изящная заколка для волос и потрепанный плюшевый заяц. Всё это она дрожащими руками разложила перед курильницей.

— Дачуань, умоляю, помоги мне вернуть мою дочь... — прошептала она, глядя на меня с бесконечной надеждой.

<http://bllate.org/book/20253/2132346>